18+

Леа Глен

Мятеж в корпорации

Сага Риона. Книга 2

Леа Глен

Мятеж в корпорации. Сага Риона. Книга 2

«Издательские решения»

Глен Л.

Мятеж в корпорации. Сага Риона. Книга 2 / Л. Глен — «Издательские решения»,

Рами Хименеса обвиняют в преступлении, которого он не совершал. Друзья бросаются ему на помощь, ещё не подозревая, во что ввязываются.Тем временем в могущественной корпорации готовится переворот, а её аналитик Роже Дюбуа оказывается на пути опасного и беспринципного противника.Старые обиды, новые интриги, борьба за власть — и люди, которые совершенно не желают быть пешками в чужой игре.В Рионе становится жарко. И магия тут далеко не самая большая опасность!

© Глен Л.
© Издательские решения

Содержание

Пролог 6
Заговорщики 6
Глава 1 9
Рами Хименес 9
Алекс Родригес 11
Рами Хименес 13
Глава 2 16
Роже Дюбуа 16
Эланор Кэмпбелл 18
Глава 3 20
Рами Хименес 20
Роже Дюбуа 22
Эланор Кэмпбелл 26
Глава 4 29
Роже Дюбуа 29
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Мятеж в корпорации
Сага Риона. Книга 2

Леа Глен

© Леа Глен, 2026

ISBN 978-5-0071-7384-1 (т. 2)
ISBN 978-5-0071-7381-0
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Заговорщики

Это был отдельный малый зал неприметного городского кафе. Даже не зал, просто небольшая комнатка. Управляющий долго раскланивался перед посетителем, прежде чем привести его сюда.

Посетитель, высокий, худощавый мужчина с благородной сединой и холодными глазами, действительно держался так, как будто он был как минимум представителем столичной аристократии, непонятным образом занесенным в рабочий Рион, — корректно, но отстранённо. Он сдержанно поблагодарил управляющего и направился к столику, где его уже ждали.

— Ты опоздал, Уолтер, — заметил один из сидящих за столом. — Обычно по тебе можно часы сверять.

— Иногда можно позволить себе и опоздать, — улыбнулся пришедший одними губами, — особенно если что-то идёт не по плану. Остановиться и подумать иногда важнее, чем продолжать вести себя так, как будто ничего не случилось.

— Для тебя и не случилось, — заметил его собеседник. — Ты на той же должности. Ну не вышел карьерный скачок. Ну бывает.

— Тогда и для тебя не случилось, Аугусто, — ответил тот, кого назвали Уолтером. — Ты тоже на той же должности.

— За исключением того, что под меня копают. И Ману, и имперцы. Им традиция нипочём. Я всего лишь был в своём праве проводить некоторые заказы лично для себя, а на меня вешают преступную халатность.

— Ну да, — снова усмехнулся Уолтер Маатсен. — У меня тоже всё хорошо, за исключением пары синяков, неприятного поражения в поединке чести и магической клятвы, которая практически не оставляет мне вариантов.

— Она так сильно тебе мешает? Тогда как ты вообще пришёл сюда? — удивлённо спросил Аугусто.

— В клятве нет ничего о Ману.

— Кстати, почему ты пришёл один, без Родерика?

Маатсен посмотрел на Аугусто так, что тому не захотелось задавать вопросы.

— Аугусто, — начал он не спеша, — я полагал, что ты несколько спокойнее смотришь на события. Вспомни, кто посоветовал тебе и Изабель перебраться в Рион. И как ты поначалу упирался, говоря, что мне, одарённому, светит Академия, а тебе только в простые работяги. А я говорил, что у Изабель красота, а у тебя харизма, и мы справимся.

— Мы и справились, — торопливо подтвердил Аугусто.

— Кого-то интересовало, боялся ли я, что не поступлю в Академию? Кого-то интересовало, где я взял деньги на билеты до Риона? Не у родителей же — у них ни гроша за душой не было. Одолжил и отдавал с огромными процентами со стипендии. И именно я сообразил, как познакомить Изабель с Умберто Хименесом. А ты ещё спорил со мной, говоря, что ей симпатичен Энрике.

— Так кто же знал, что Энрике такой слизняк, — проворчал Аугусто. — Он даже побороться за роль главы не хотел, просто ушёл крутить гайки.

— Зато ты стал зятем главы, верно?

— Зато Изабель не дала мне потом устранить Энрике, и в результате появился мальчишка, испортивший нам всю игру.

— Не этот, так другой, — равнодушно пожал плечами Маатсен. — Право, ты слишком преувеличиваешь роль личности в истории. В данном случае — роль мальчишки. Во всяком случае, Ману не будет огорчать Изабель и твоих сторонников, поэтому можешь не опасаться за своё будущее.

— Ты одарённый, Уолтер, — горько произнёс Аугусто. — Это не имело значения, когда мы были подростками. Но у тебя другие понятия о времени жизни. Посмотри, как выглядишь ты и как выгляжу я. Ты ещё можешь, например, пережить своего тролля, а у меня был последний шанс, понимаешь?

Маатсен внимательно посмотрел на товарища. На самом деле Аугусто всё ещё неплохо выглядел, было видно, что он тщательно следит за собой, но шестьдесят с хвостиком для простого — это возраст. Уже было видно, что лицо, даже тщательно ухоженное, обрюзгло, и, если сам Маатсен сохранил практически юношескую гибкость, у Аугусто уже заметно отрастал животик. И это при практически неограниченных возможностях пользоваться лучшими средствами, замедляющими старение.

— Мануэль мой племянник, — продолжал Аугусто. — Статистически он переживёт меня. Даже если учитывать мою борьбу с собственным возрастом и твою помощь в этом, и даже если учитывать, что Ману далеко не так фанатичен в этом вопросе, как я, потому и стареть начнёт раньше — он достаточно молод, чтобы не понимать проблемы, да и ты не подсказывал.

— Зачем мне ему подсказывать, — лениво сказал Маатсен, — даже то, что он сын Изабель, не очень-то заставляет меня об этом заботиться. Другое дело ты или она. Впрочем… Мои проблемы интересуют только меня. Это всегда так было, что должно было измениться?

— Твои проблемы? — усмехнулся Аугусто. — Да всё село знало, что ты влюблён в Изабель, совершенно неистово и совершенно безнадёжно. Но, несмотря на всю любовь, ты пристроил её в жёны главы клана.

— А что мне было делать? — холодно парировал Маатсен. — Сидеть и страдать? Я инвестировал в нашу общую карьеру. Кстати, я ведь тоже застрял. Тролль моложе меня, а живут они ещё и подольше нашего, так что чисто статистически мне тоже ничего не светит. Ну а моя забота о клане вообще и Ману в частности, это всего лишь забота о моём друге детства и девушке, которая мне не была безразлична, но опять же, кто меня спрашивал. Ты лучше вспомни, кто вам давал достаточно разумные советы, благодаря которым и Ману вырос не обычным бандитом, и клан преобразился настолько, что с прошлым никакого сравнения.

— Я любил прошлое, — вздохнул Аугусто, — и, кстати, когда я стал родственником главы клана, пусть и бедного, я смог помочь одному нищему студенту Академии, не помнишь? Так, что его распределили в лабораторию, а не на боевые. А ещё он познакомился там с девушкой, одарённой во втором поколении, и у него теперь дети дворяне, верно?

— Это было бы непрофессионально — не помнить. Но ещё менее профессионально — зацикливаться хоть на победах, хоть на обидах. Наш план не сработал. Значит, сработает что-то другое. Академии в целом наплевать, кто во главе клана. Конечно, твоё участие в моей многоходовке делает тебя нежелательным кандидатом, но разве они будут отслеживать ваши внутренние дела?

— У Ману есть маги.

— У тебя тоже. Что скажешь, Седрик?

Третий участник этого совещания до сих пор усиленно делал вид, что его тут нет вовсе. Выглядел он далеко не так презентабельно, как эти двое, хоть и был моложе, — обычный средней руки клерк, до предела замотанный семьёй и работой. Возможно, он предпочёл бы вообще отмолчаться, но не вышло.

— Я действовал согласно заданию и штатному расписанию, — сообщил он хмуро. — Не моя вина, что меня вырубили в самом начале, и я ничем не мог помочь нашим. Но у меня есть план.

— Какой? — живо поинтересовался Аугусто.

— Там, где не хватает магии, а грубая сила ничего не даёт, нужна обычная человеческая хитрость. И ловкость рук. В конце концов, я тоже пострадавшая сторона. Две недели отвалялся в больнице. Домик Аликрана, можно сказать, уплыл из рук. И всему виной мажоры, эти мерзкие мальчишки, у которых всегда всё есть просто по праву рождения.

— Я, пожалуй, пойду, — внезапно сказал Маатсен. — Не забывайте: тролль теперь вправе вытянуть из меня всё, что я знаю. Даже если я забыл. Да, он не делает этого каждый раз, он, видите ли, благородный, так вот и не дадим ему повода лезть мне в мозг и выведывать лишнее.

Он попрощался и вышел.

— Не хочет участвовать? — спросил Аугусто Седрика.

— Он довольно много сказал, шеф. Сказал так, что у него не будет неприятностей. И лучше союзник под обязательствами, чем вообще никакого союзника, верно?

— Эти клятвы у вас такие страшные?

Седрик посмотрел куда-то в пол:

— Ну если не нарушать, живёшь себе и живёшь… Но по крайней мере Академию мы не интересуем, то есть академических магов можно в расчёт не принимать. А что касается мальчишек, то от самого прыткого можно и избавиться. Заодно ослабим Дюбуа.

— А самого Дюбуа?

— После мальчишки.

— Говори.

— Сейчас.

Седрик поставил купол молчания.

***

Мальчик, работавший на кухне, огорчённо посмотрел на свой кристалл записи. Разумеется, маг перестраховался, и самое главное не записалось. Ясно, что ничего не ясно. Но хоть так..

Глава 1

Рами Хименес

Управлять мобилусом было действительно неудобно, но просить Эланор я считал бестактным. Да и находиться у Кэмпбеллов дольше, чем было абсолютно необходимо, тоже не хотелось. Поэтому я распрощался с симпатичной госпожой Кэмпбелл — дома была только она, папа Эланор был на работе, а сама Эланор в библиотеке дописывала дипломную, — добрался до своего мобилуса на своих двоих (как хорошо, что Эланор живёт в академическом квартале!) и поехал домой, разгребать выпускные дела.

Моя дипломная была практически готова. Как хорошо, что все плакаты я подготовил заранее, и ни о чём волноваться не надо. Библиотечные книги на дом я обычно не брал. Сдавать ключи от лабораторий надо было после защиты. Поэтому оказалось, что больная рука хоть и доставляет неудобства, но важных проблем не создаёт.

Как зарегистрированный одарённый, я должен был подать документы на распределение. И моё распределение как раз могли отложить до полного выздоровления. Но тут ничего не поделаешь. Я заполнил все необходимые документы левой рукой (да уж, на канцелярскую должность точно не возьмут, с таким-то почерком) и вспомнил, что давно хотел поговорить с Хорхе о расширении нашего дела.

Хорхе обрадовался мне, обозвал раненым героем — оказывается, по городу слухи прошли, ещё и какие, а поединок чести даже в новостях показывали. Я поморщился, надеясь, что мне больше никогда не придётся ловить меч собственным плечом. Хотя чего уж там — я ведь хотел, чтобы Эланор обратила на меня внимание? Была мне цена безразлична? Была. Вот вам и исполнение желаний, получите и распишитесь. И если хорошо подумать, то оно того стоило: все шкуры в целости и сохранности остались на своих владельцах, а моя заживёт.

— Ну и чего же ты сбежал от девушки? — немного укоризненно улыбнулся Хорхе. — Лежал себе в цветнике, горя не знал, так нет — куда-то понесло, рулишь левой рукой.

— Я всё время хотел спросить, — начал я, — и теперь понимаю, что нельзя откладывать. Мне очень хочется расширить наше дело, но я не хочу продавать наши артефакты кому угодно. Вдобавок, раз мы начали работать с тобой, нужно твоё согласие.

— Отцу хочешь? — догадался Хорхе.

— Приятно говорить с умным человеком, — в тон ему ответил я.

— Так ведь не вопрос. Энрике мой учитель, и Паоло я знаю. Это тебя мне практически не показывали, ведь ты не механик и механиком не будешь. У одарённых своя жизнь, своя дорога… вот Алекс тоже уйдёт, а наследника у меня и нет, одни девчонки.

Хорхе вздохнул.

— Ладно, чего уж там. Давай, что ли, чай попьём. С булочками. Ну, если тебя Лан сладким не закормила.

Мы очень славно посидели. Потом, когда я пытался вспомнить, о чём мы болтали, я помнил только, что мне было хорошо. То ли у Хорхе действительно есть неизученный дар менталиста, то ли он просто очень хороший человек.

И уехал я от него совершенно уверенно, даже больная рука не мешала.

Когда я заходил в свою квартиру, я сразу почувствовал неладное. Здесь кто-то был. Я понял это по тому, как ключ ходил в замке. Интуиция кричала в голос, что лучше даже не открывать дверь. Я развернулся, побежал к мобилусу и рванул к отцу.

Кто бы это ни был, убивать меня он, видимо, не планировал, иначе попытался бы: момент был вполне удобный. В квартиру я решил вернуться завтра утром, и не один, а с Алексом или с отцом и Паоло.

А вот надо ли волновать родных, я сначала не знал. С одной стороны, очень не хотелось их вмешивать. С другой — отец хорошо знал не только механику мобилусов, но и механику клана, и мог посоветовать разумное. К тому же что-то скрывать от человека, который тоже в любой момент может оказаться под угрозой, не лучший способ его беречь.

Так что я взял и всё выложил.

Отец выслушал меня молча.

— Вот так и думаешь, что ушёл от клана, — произнёс он наконец, — а получается, что никуда не ушёл.

— Думаешь — клан? — нервно спросил я.

— Не думаю. Знаю.

— Но тебя же никогда не трогали, раз ты сам ушёл. И не прессовали, как других. Только заставили отдать меня в расположение Ману.

Он невесело засмеялся.

— Публичная благородная версия. На самом деле Изабель, мать Ману, потребовала у Аугусто меня не трогать, иначе бы Аугусто не церемонился.

— Херонимо говорит, что если Аугусто придёт к власти, то постарается уничтожить всех родственников Ману, и ближних, и дальних.

— В семье Херонимо дураков никогда не было, — кивнул отец.

— Как ты думаешь, — спросил я, подумав, — может, мне вообще всё показалось? Я ведь даже в квартиру не вошёл, просто повернул ключ обратно и побежал. Может. я просто после драки в Академии нервный, ещё и потому, что беззащитным себя чувствую, с больной рукой?

— Не бойся быть смешным, — вздохнул отец, — даже если у тебя сдали нервы из-за случившегося, ты по крайней мере спокойно сидишь у нас, а не дёргаешься у себя дома из-за каждого шороха. А если действительно сработала интуиция, то ты по крайней мере живой.

Я почти успокоился, ушёл в свою старую детскую и уснул, надеясь, что я высплюсь, наступит утро, и всё встанет на свои места.

Выспаться не удалось.

Алекс Родригес

Обычно Лорд ведёт себя ненавязчиво. Приходит, когда нужен. Ну или когда голодный. Уходит, когда я занимаюсь своими делами. Отрабатывает в клубе, когда надо работать в клубе. И никогда не дёргает меня без причины.

Но в этот раз он не был похож сам на себя. Он внезапно начал рычать и тащить меня за рубашку из квартиры.

Я знаю, что по инструкции в таком случае надо вести себя строго и успокоить животное. Но где инструкция, а где Лорд, который для меня не просто собака, а компаньон и друг. Я быстро оделся и вышел с ним на улицу. Лорд тут же увеличился до размера пони и подтолкнул меня, мол, садись и катись.

— Вези, — сказал я.

В мастерской Хорхе горел свет, но было подозрительно тихо. Я стал искать брата и еле нашёл — он лежал в гараже, на полу, без сознания. На губах застыла пена. Никаких следов борьбы не было.

Я схватил артефакт связи и вызвал бригаду целителей, полицию и отдельно — Тиану.

А потом сидел и не знал, что делать, обнял Хорхе и пытался его согреть. Мне казалось, что если я его согрею, жизнь из него не уйдёт. И я вспоминал, и как он подарил мне Лорда, и как учил меня читать и вообще всему, а я, когда был младше, на него иногда дулся, что приходится тратить столько времени на мастерскую, будто у него там нет рабочих. А в те времена, кстати, только один рабочий и был.

Тиана приехала первой. Вот для кого мобилус не роскошь и не головная боль. Она сама говорит: целитель должен прибыть к больному как можно быстрее.

На меня она не посмотрела вообще, кинулась к брату со своим артефактом, а потом стала вводить ему какой-то антидот, одновременно поддерживая целительским плетением.

— Успела, — выдохнула она наконец.

А потом в мастерской стало очень людно, и целитель из мобильной бригады говорил, что если бы не Лорд, который потащил меня к Хорхе, и не Тиана, которая так быстро примчалась и так чётко действовала, я бы сейчас уже договаривался о похоронах. То есть не сейчас. Утром, когда пришли бы или рабочие, или клиенты, или тот же самый я.

Хорхе увезли в больницу, а полицейский упаковал чайную чашку в специальный контейнер.

— Пошлём на экспертизу, — сообщил он. — Чай был отравлен.

Вообще-то, если думать не о том, что теперь будет с Хорхе (лично мне много думать не надо было, восстановление от такого яда — процесс небыстрый, сказала Тиана, и мне осталось только доверять ей), а о том, кто мог это сделать, на ум приходил исключительно Аугусто и прочие мерзавцы из клана. Хорхе их разозлил, точнее, их разозлили мы все, а Хорхе оказался самым беззащитным. Но разве Хорхе стал бы пить чай с каким-то бандитом?

— Посмотрите, господин Родригес, — внезапно сказал полицейский. — Вот это было зажато в кулаке вашего брата, вы знаете, что это такое?

Полицейский держал деталь очень осторожно, в перчатке, и я, конечно, сразу её узнал.

Это был экспериментальный интеграционный модуль, один из тех, которые Рами делал «на коленке» у себя дома. Рами обычно не приносил эти модули сюда. Он приносил уже готовые, дополненные этим модулем, артефакты.

Я так и сказал.

— Вы не можете объяснить, почему ваш брат зажал этот модуль в руке?

Я не знал.

Модуль тоже унесли на экспертизу.

Я так и сидел в мастерской до утра, и Тиана сидела со мной. Прогноз целители давали неплохой, но Хорхе пока что не приходил в себя, и это могло длиться довольно долго.

А утром нам сообщили, что Рами Хименес не ночевал у себя дома. И когда получили в срочном порядке ордер на обыск, в квартире обнаружили тот же яд, которым отравили Хорхе. И тот же самый яд был в чашке с чаем, а также на модуле, который нашли в кулаке у Хорхе.

Рами Хименес

Отец всегда уважал моё право на уединение. И не будил даже в те времена, когда я был ещё в школе. Тем более я всегда сам вставал вовремя. И сейчас, когда в мою дверь затарабанили, я немедленно вскочил.

На пороге стоял отец, рядом с ним — один из бандитов клана. Один из немногих, кто хоть и нерегулярно, но поддерживал контакт с отцом. Я помнил его имя. Хавьер Эрнандес.

— Вставай, — велел отец. — Хавьер заберёт тебя в Академию.

Хавьер? В Академию? И зачем?

— Я работу сменил, — угрюмо сообщил Хавьер. — Всё равно в клане считали, староват для полевой работы. А ваш ректор так не считает.

Стоп! С каким-то Эрнандесом профессор Альтарес так хорошо переговорил, что часть бандитов Аугусто просто покинула Академию и не участвовала в нашем финальном мордобитии. С Хавьером, что ли?

— Ты не тормози, — проворчал Хавьер. — Тяжело одеваться из-за руки — так и скажи, поможем. Быстро надо.

— Кто-то хотел убить Хорхе Родригеса, — пояснил отец. — Последним рядом с ним видели тебя.

— Что с Хорхе? — спросил я.

— Жив. В бессознательном состоянии. В больнице. Просто чудо, что его вовремя обнаружили, ещё немного, и было бы поздно.

— Босс велел поторопиться, — прервал отца Хавьер.

Где-то по задворкам моего сознания пробежала ирония. Хавьер назвал своего нового работодателя привычно «боссом», и я представил себе МакДжеральда на месте Ману. Было бы смешно, если бы…

Уже в мобилусе — большом академическом мобилусе с затенёнными стёклами — я всё же рискнул спросить Хавьера о подробностях.

Хавьер знал не так много. Или знал, но не очень хотел рассказывать. Я вытянул из него, что дело уже в полиции. Что я был последним, кто приходил к Хорхе. Что Хорхе часто остаётся на ночь в мастерской, когда много работы, и поэтому никто его не хватился бы до самого утра. Но Алексу зачем-то срочно понадобилось в мастерскую (он часто помогал брату, может, и в этот раз хотел помочь), поэтому… в общем, Хорхе повезло.

Я знал, что Алекс долго не доверял мне. Да и прав был. Зачем доверять такому, как я. И я очень ценил дружбу с ним. Неужели он поверит, что я хотел убить его брата? И ещё хуже — неужели Эланор поверит? Хотя это же очень странно, какие у меня могут быть мотивы? Отравить надёжного заказчика, с которого мы начали своё дело, только потому, что я плохой?

— Ты не думай, — неожиданно мягко произнёс Эрнандес. — Я знаю, что это не ты. Я бы всё равно не поверил, но я знаю. Просто доказать не могу. И босс тоже знает.

Возле главного входа в Академию уже стояло несколько репортёров и пара полицейских. Чуть поодаль на ступеньках расположились ещё двое, которых мне трудно было представить вместе, — нервный Кэмпбелл и расслабленный, с ленивой хищной улыбочкой, Брок. Когда мы подъехали и вышли из мобилуса, репортёры и полиция бросились было к нам, но остановились перед какой-то невидимой преградой. Магическая стенка. Это как?

— Приказ ректора Академии! — громко объявил Хавьер.

— У нас ордер, — решительно заявил полицейский.

— А у нас автономия Академии, — точно так же с улыбочкой сообщил Брок. — И после гостей на моей защите мы, знаете ли, никому не рады.

Вот это поворот! Как будто эти гости не были частью плана самого Брока. Ну или Маатсена, кто там у них был за стратега. Если сегодня так лихо подменяют события совсем недавние, то завтра точно скажут, что я убил Хорхе.

Полицейский решительно обнажил табельное оружие.

Брок тут же вытащил меч.

— Я на территории Академии, — заявил он, — и защищаю автономию Академии. Будете пытаться сломать или обойти заклятие стены — будете иметь дело со мной.

Кэмпбелл мотнул головой.

— Не подставляйся, Родерик, — посоветовал он. — Я просто помою лестницу.

Что за невиданный союз людей, один из которых совсем недавно собирался хладнокровно прирезать другого, а другой отлично это знает?

Хавьер подтолкнул меня, не давая думать.

Брок последовал за нами через ворота, дошёл до входа в корпус.

— В общем, студент, ты держись, — бросил он как-то подчёркнуто небрежно. — Не думай, я не верю. Ты даже меня прирезать не смог, а простого механика… что за чушь… в общем, я пошёл поддержать Аликрана…

Рональд МакДжеральд ждал меня в своём кабинете. Я там никогда не был и растерянно оглядывался по сторонам. Кабинет как кабинет. Стол, полки с книгами. На святую святых не похоже, но не то чтобы студентов сюда часто приглашают. Интересно, это всё ещё означает «растём» или уже «допрыгался»?

— Я должен вести себя официально, поскольку выдвинуты официальные обвинения, — сухо проинформировал он меня. — Согласно официальной версии, студента Хименеса видели последним рядом с мастером Родригесом. Затем мастера Родригеса обнаружили умирающим в собственной мастерской. Яд, которым был отравлен пострадавший, обнаружен в чашке с чаем и, кроме того, на некоем артефакте, который пострадавший зажал в кулаке. Артефакт, по словам вашего товарища, брата пострадавшего, принадлежал вам, причём вы обычно эти модули мастеру Родригесу не передавали отдельно от общего артефакта диагностики. И ещё. В вашей квартире на тумбочке у входа обнаружили упаковку с таким же ядом. Что вы можете сказать по существу?

— Но зачем мне травить Хорхе? — удивился я. — И убийца из меня никакой. И ядами я никогда не занимался. А вот упаковка… я ведь чувствовал, что в квартире кто-то был, поэтому даже не зашёл туда, сразу поехал к отцу. Получается, убивать меня не собирались, просто подкинули яд.

МакДжеральд задумчиво посмотрел на меня.

— Вот слышал я такое выражение — «смерть причину найдёт», — сказал он. — Дай специально обученным людям подобрать основание — подберут и не поморщатся. Даже не вижу смысла проделывать за них их работу. И я даже не хочу думать о том, что могло быть, если бы ты взял эту упаковку из любопытства и, не допусти высшие силы, открыл её.

— Ну я же не такой глупый, — обиделся я. — Я бы отнёс её в полицию, наверно, и уж точно бы не открывал.

— Допустим, — согласился МакДжеральд. — Но на коробочке были бы следы твоих пальцев и, возможно, отпечаток ауры. А так ничего этого нет. И это хорошо, но это не равно алиби.

— Сам понимаю, — вздохнул я. — Но в любом случае мне не остаётся ничего лучшего, чем пойти и сдаться властям. Только вот что… у меня в квартире моя дипломная работа с

плакатами. Вы не можете как-то попробовать их забрать? Если это хорошо закончится, я бы всё же хотел защититься.

— Я тебе с этим помогу, — пообещал ректор.

— Спасибо, — выдохнул я. — А тогда я пошёл, полицейские с ордером вот у входа.

Я было повернулся к двери, но МакДжеральд оказался быстрее меня.

— Никуда ты не пойдёшь, Рами Хименес, — заявил он.

— Но…

— Никаких «но». Властью, данной мне как ректору этого учебного заведения, а также как главе рода МакДжеральдов, я арестовываю тебя, студент Рами Хименес, как важного свидетеля в деле о попытке убийства мастера Хорхе Родригеса.

Он взвалил меня на плечо так быстро, что я вообще ничего не успел сообразить. Проделал он это, надо сказать, деликатно, больное плечо ничего не почувствовало.

И тут же пространство вокруг нас поплыло. Портал, доехало до меня. Феерически редкая и дорогая штука, не каждому доступная и мало кому разрешённая, хотя, насколько я слышал о МакДжеральдах, у них-то как раз на это могло хватить и магического резерва, и денег, и статуса.

Минут через пять пространство перестало плыть. МакДжеральд осторожно поставил меня на ноги.

Я осмотрелся.

Мы находились явно в каком-то замке, в комнате, которая гораздо лучше отражала личность хозяина, чем довольно безликий кабинет в Академии. Стол, шкафы с книгами. На одной из стен несколько портретов. На другой, как раз над небольшим уютным диванчиком, — красивый ковёр, по ковру развешены мечи, явно не какие-то с базара.

Вот на этот диванчик ректор меня и сгрузил.

— В общем, вот тебе твоя личная тюряга, — сообщил он. — Моё родовое поместье. Здесь без моего разрешения и муха не пролетит. Отдыхай, восстанавливайся, о дипломе не беспокойся, вопрос решим так или иначе.

— Личная тюряга, — не мог не съязвить я. — Сейчас ещё и личные кандалы выдадут.

— А этим не шути, — очень серьёзно ответил ректор. — Потому что ты сам не знаешь, чем шутишь.

И в этот момент в кабинете материализовался Леон, дух-помощник Эланор.

— Ну и роскошь! — воскликнул он, покрутив головой. — Господин ректор, вам не кажется, что в таком шикарном замке очень не хватает собственного привидения?

Глава 2

Роже Дюбуа

— Ты же понимаешь, что это шито белыми нитками, — устало выговаривал Ману Аугусто. — Я что, не знаю собственного братца? Он ещё не созрел до того, чтобы в честном поединке кого-то угрохать, а тут вдруг яд, дичь какая.

Я стоял с непроницаемым лицом и всё это слушал.
Понятно, мы оба безопасники, вот нас обоих и позвали.
Но что-то тут не так.
Очень не так.
Особенно если Ману не верит ни единому слову Аугусто.
Аугусто не идиот.
У него есть другие аргументы.
Какие?

Я бы послушал, что скажет Аугусто, но тот упорно молчал, давая Ману возможность высказаться.

— Именно у тебя, Аугусто, были постоянные конфликты с этим мастером. И это не красило ни тебя, ни клан, особенно если учитывать твоё нынешнее положение и нынешнюю роль клана в регионе, да и в империи. Рами всего лишь экспериментировал с артефактами, продавая их мастеру. А твоих людей он прежде всего пытался уговорить оставить этого человека в покое. И кто из вас, извините, больше заинтересован в смерти мастера, хотел бы я знать? То есть я не спрашиваю, учил ли ты логику в вашей дурацкой сельской школе, но жизнь ведь тоже чему-то учит, — по крайней мере, я сильно на это надеялся.

Аугусто улыбнулся.

— Я и не говорил, что я в это верю, — развёл он руками, — но всё пока что складывается, к сожалению, против Рами. Вдобавок он не ночевал дома. Он не сдался полиции. Это уже говорит о виновности по крайней мере в глазах общественности, да и сил правопорядка.

— Если болван подался в бега, я могу его понять, — возразил Ману. — Да, это выглядит нехорошо в глазах полиции и общественности, но не каждый день тебя обвиняют в убийстве человека, с которым ты только что вполне мирно общался и которому ты, со всей очевидностью, плохого не желал. Он может быть элементарно сбит с толку. Он может не понимать вообще, что происходит. К тому же Хименесы всегда защищали своих детей от власти, если ребята просто, без злого умысла, проказничали.

Знаем мы это «без злого умысла», подумал я. Бывало, что и от убийств отмазывали.

— Вопрос не в его виновности, — сухо произнёс Аугусто. — Вопрос исключительно в том, что нам выгодно.

— Кому это — «нам»? — сощурился Ману.

— Клану. Я себя никогда не отделял от всех.

— Тогда расскажи, что, по-твоему, нам выгодно.

— На самом деле ситуация прискорбная, — начал Аугусто. — Молодой красивый парень. С даром. Умный. Смелый. Обаятельный. Его можно было дорого продать, и ты наверняка уже всё прикинул. Очень жаль, что этот актив испортился. Но его ещё можно использовать в совершенно другом контексте — с выгодой для нас.

— Это почему — испортился? — прервал Ману.

Кажется, Аугусто ждал этого вопроса.

— Он же ранен, верно?

— Меня заверили, что рука будет как новая.

— Всё так. — Голос Аугусто стал вкрадчивым. — И всё не так. Мальчик, конечно, не виноват в том, что ему не повезло, но ничего не поделаешь.

— Ты перестанешь ходить кругами? — голос Ману всё ещё оставался ровным.

— Раненому одарённому наручники-блокираторы магии могут серьёзно навредить. Убить не убьют, даже дар у сильного мага не выжгут, но магические каналы будут повреждены. Господин Дюбуа, вы можете подтвердить.

— Могу, — ответил я ровным голосом.

— Ваша травма…

— Да, часа хватило. Лежал в госпитале после боевого. Пытались арестовать за дуэль, случившуюся за пару недель до того. Из-за которой меня и послали на боевые, хоть я был аналитиком. Отпустили с извинениями через два часа. Я так думаю, рассчитывали не посадить, с дуэлью было всё чисто, а именно покалечить.

— Вот так и портится актив, — развёл руками Аугусто.

— Даже если это случится, парень очень хороший артефактор, — услышал я собственный голос. По-прежнему ровный и бесстрастный. — И голова у него отличная. Он мне в отделе нужен.

— Дюбуа, мы живём в эпоху пиара. — Теперь в голосе Аугусто слышалось сожаление. — Общественность вполне поймёт, если мы объявим мотивы Рами Хименеса: его всегда тяготила роль мажора; он задумал создать свой клан и своё дело, начав с артефактов для мобилусов. Но ему нужны были мастерские. Вот он и пошёл на убийство, чтобы мастерская Родригеса попала в руки его отца. А вот был ли его отец в заговоре — решать тебе, Мануэль.

— Не был, — резко ответил Ману. — Моя мать нас обоих пристрелит, если мы тронем Энрике. И пристрелит меня лично, если я трону тебя. Такое вот равновесие.

— Да, но на мальчишку она так не среагирует. А мы покажем, что наш клан выше простого родства, что мы за закон и справедливость, и даже ближайшие родственники главы не могут творить, что им вздумается.

— Ладно, — прервал его Ману. — Я вас услышал. Обоих. Свободны.

И подал знак, что совещание окончено.

Эланор Кэмпбелл

Я сидела в осиротевшей мастерской. Алекс крутился рядом.

Меньше всего мне хотелось говорить о том, виновен ли Рами. Улики? К тварям улики, во всех детективах с подробностями расписывается, как в случае чего эти улики фальсифицируются.

Рами не мог.

Такой Рами, которого я знала.

И его родство с Ману не меняло вообще ничего.

А вот то, что Рами до сих пор нигде не обнаружился, меня пугало.

— Меня Хорхе не простит, когда вернётся, — повторял Алекс.

Я удивилась, ведь в итоге Алекс спас Хорхе. Точнее, Лорд, Алекс и Тиана. За что не прощать?

— Я не смогу управлять мастерской. Я не умею. Я был на подхвате. Для Хорхе это дело его жизни, а я его загублю.

И в этот момент в ворота вкатился мобилус весёлого голубого цвета, а из него выскочил мальчишка лет девятнадцати, очень похожий на Рами, с открытым весёлым лицом.

— Ты Алекс Родригес? — деловито спросил он.

— Да, — растерянно ответил Алекс.

— Меня отец прислал. Говорит, Хорхе болен, надо помочь. Ах да, я не представился, как глупо, я Паоло Хименес.

— Вот как… — неопределённо протянул Алекс.

— Традиция же, — пояснил парень. — Связка учитель — ученик — это на всю жизнь. И если одному плохо, другой приходит на помощь. Вот я и пришёл.

Он замолчал. Внимательно посмотрел на Алекса, потом на меня, и тихо спросил:

— Вы поверили?

Я мотнула головой. Алекс не отвечал.

— Он не может такого, — убеждённо произнёс Паоло. — Я это говорю не потому, что он мой брат. Ману мне тоже брат, хоть и двоюродный. Просто, ну, он старший, я младший, мы ведь всё друг про друга знаем. Была бы в Рами подлость, другое дело, а откуда ей, этой подлости, взяться? Отец бы его первый за уши оттаскал, ещё когда мы мелкие были. Но чего не было, того не было.

— Эх, Паоло, — вздохнул Алекс, — простой ты хороший парень…

— Может, и простой, но знаю, о чём говорю, — набычился Паоло. — Короче, давай, показывай, где у вас что. Выйдет Хорхе из больницы — а всё в порядке. Да, я ещё кошечку вам привёз. Сапфира зовут. И ещё у папы котика выпрошу. Будут у вас коты — такой дряни больше не случится, они же вроде бы сами по себе, а за хозяев порвут. А ты ведь Эланор Кэмпбелл, да? — он повернулся ко мне. — Хотя я и так знаю, у Рами твоя магография есть. Небось сделал где-то тайком на лекции.

Мне оставалось только опять кивнуть.

— Послушай, Эланор, с Рами всё должно быть хорошо. Его Хавьер Эрнандес — он раньше в клане работал, а теперь в вашу Академию ушёл охранником — к ректору увёз. Хавьер его в обиду не даст, и ректор тоже, говорят, он самый сильный маг в Рионе. Ну если не считать старика Альтареса, как говорят некоторые старые шахтёры, но старики ведь неохотно признают, что младшие могут быть сильнее, правда?

— Правда, — улыбнулась я. Мальчишка мне нравился, и новости принёс он просто отличные. — А этот самый Эрнандес не был раньше бригадиром на шахте? Такой, пожилой, немного прихрамывает?

— Был, и да, прихрамывает. Ему ногу во время прорыва повредило, его старый Альтарес лично спасал.

У меня отлегло от сердца. Значит, дядя Рональд взял Эрнандеса на работу. И, значит, с Рами действительно всё должно быть в порядке.

В это время в ворота вошёл ещё один человек. По виду такой же работяга, как и Хорхе. Возраста Хорхе или немного старше.

— Привет, Алекс, — поздоровался он. — Принимаешь дела?

— Что делать, Уилл, — степенно отозвался Алекс. — У Хорхе семья, её кормить надо.

— Послушай, ну ведь ты же одарённый. У тебя всё равно свой путь. Может, продашь мне мастерскую? Я честно расплачусь, а жену Хорхе возьму на работу. А ты ведь сам не потянешь.

— Это как же сам? — вмешался Паоло. — Ему и мастер Хименес, как учитель, и все его соученики придут на помощь.

Мужчина внимательно посмотрел на Паоло.

— Моё дело предложить. А то вначале все кричат, что помогут, а потом остаёшься один на один с проблемами. Короче, бывай, если что, обращайся.

Мужчина ещё немного потоптался и ушёл, а я вопросительно посмотрела на Алекса.

— Сосед это наш, — объяснил он. — Когда он нам поможет, когда мы ему. Так-то он ничего, разве что…

— Разве что? — переспросила я.

— Ну, помнишь, как Маатсен меня наказать хотел? Когда мы от Аугусто и его бандитов отбивались? Так вот, если бы реально открыли дело и пришлось бы ещё свидетелей искать, Уилл бы побоялся. Хоть он всё видел, от начала до конца. Хорхе говорит, что быть трусом, конечно, нехорошо, но когда ты один на один с мерзавцами, и никто не поможет, откуда же смелости взяться.

— Но ведь сам Хорхе ведёт себя иначе, — не могла успокоиться я.

— Так то Хорхе. Он сильный. А слабых всегда больше. Даже у нас в Рионе.

Дома меня встретили обеспокоенные мама и папа. Им не очень нравилось, что я одна езжу по городу на мобилусе. Но зато папа рассказал, как он вместе с Броком (вот чудеса!) отгонял от Рами полицию и репортёров.

— Даже не знаю, что случилось с Родериком, — покачал головой папа. — Он действительно готов был пойти с мечом на полицию.

— И это после того, как они с Рами чуть друг друга не прикончили, — добавила мама.

— Меня бы Брок прикончил наверняка, — поправил её папа, — а с Рами они примерно в одной весовой категории и фехтовали в принципе спокойно. Так просто бы друг друга не зарезали. Похоже, Родерик его зауважал.

Вот это да! Кажется, папа в спортзале что-то усвоил.

— А Брок никак не объяснил своё поведение? — заинтересовалась я.

— Нет. Мне Рональд велел поставить стенку и выпроваживать непрошеных гостей, особенно если по делу Родригеса. А Родерик просто подошёл и стал рядом.

— Да, Лан, — вспомнила мама. — Тебе какое-то письмо. Странное.

Странное письмо было в очень красивом конверте, который я безжалостно вскрыла просто руками.

«Уважаемая госпожа Кэмпбелл, — стояло в нём, — я бы хотел обсудить с Вами как с талантливым артефактором некоторые вещи, надеюсь, взаимовыгодные. Очень прошу Вас подойти ко мне в офис завтра в 11:00, разумеется, если это не нарушит Ваши планы. Буду очень рад познакомиться. Искренне Ваш, Мануэль Хименес.»

Глава 3

Рами Хименес

— Интересно, господин Кроу — улыбаясь, спросил МакДжеральд, — вы всегда были таким нахальным парнем?

— Нет, — в тон ему ответил призрак, — я раньше был послушным и очень тихим. А это уже после того, как меня убили.

— Я думал, помощники жрецов, они такие… себе на уме.

— Да не был я помощником жреца, — с досадой отозвался призрак. — Потом вечно всё путают. Я был помощником мага при храме. Маг, впрочем, сбежал вместе со жрецами. А из помощника жреца потом вырастает целый жрец, значит, туда и попадают дети жрецов, независимо от одарённости. Но я и не хотел быть жрецом. И при храме оставаться не хотел. Лжецы они и мерзавцы. И потом, когда меня уже убили, я с удовольствием вернулся бы туда и устроил переполох, но нас возвращают, чтобы мы отрабатывали свои долги, а не пугали кого попало.

— А как вы попали ко мне? Признаться, я удивлён.

— Считайте, что вы сами меня впустили, — ответил призрак. — Вы в детстве прочитали обо мне. Возможно, вы были единственным человеком, которого тронула моя история. Но вы действительно хотели попасть в прошлое и спасти меня. Или хотя бы поблагодарить. И поблагодарили на самом деле. В результате я получил доступ к вам в замок. Хоть мне и в моём домике совсем неплохо, просто хозяйка очень уж грустная.

— Ну ты же скажешь ей, что всё хорошо, правда? — подал голос я.

— Конечно. Я для этого и отследил тебя по ауре. Сначала в Академии, а потом вы перенеслись, а я… просто прошёл.

— Интересно, — задумчиво сказал МакДжеральд, — если искажают историю, и о плохом пишут хорошее, и дети или впечатлительные люди это читают, могут ли такие вот персонажи тоже материализоваться и явиться тем, кто ими восхищается?

— Слишком много условий, — проговорил Леон, как будто что-то подсчитывая в уме. — Но да, не исключено. Поэтому терпеть не могу лжецов и манипуляторов. Они могут превратить в образцы для подражания и призвать такое, что твари инферно котиками покажутся.

— Рысья мать! — невольно ляпнул я.

МакДжеральд улыбнулся.

— Раз ты поминаешь рысью мать, тебе уже, наверно, получше. Хотя ты и в полуобморочном состоянии шутил.

— Лопни, но держи фасон, — вспомнил я какую-то городскую песенку столетней давности.

— Ого, ты и такое знаешь, — присвистнул Леон.

— И даже не помню откуда.

— Эх, Рами, — покачал головой МакДжеральд, — ну вот сидел бы ты тихо у Кэмпбеллов, что тебе мешало. Сбежал недолеченный. Попал в неприятности.

— Долго лежать в доме, где есть незамужняя девушка, — создавать почву для слухов, ну и дипломный проект сам себя не защитит.

— А что ты делал у Хорхе?

Мне скрывать было нечего.

— Я хотел расширить наше с Алексом и Эланор дело и продавать артефакты диагностики моему отцу. Но мы начинали работать с Хорхе, значит, я обязан был спросить у Хорхе. А кроме

того, если честно… я боялся скомпрометировать Эланор, но был совсем не против чашки чая и приятного общения. Просто очень-очень захотелось, может быть, потому, что я ещё не в порядке.

— Разумеется, не в порядке, — проворчал МакДжеральд. — Такое ранение и два отката. Вот куда ты бежал…

— Слушай, Рональд, — бесцеремонно вмешался Леон. — Ты уж извини, что я так запросто, просто ничего не могу поделать, перед глазами стоит мальчик, который меня пожалел. Во-первых, я умею варить шоколад. По крайней мере, хозяйке понравилось. Во-вторых, неприятности Рами не связаны с тем, долечен он или нет. Если парня хотели подставить — подставили бы всё равно. Если хотели устранить Хорхе — попытались бы в любом случае. Капкан должен был защёлкнуться тогда, когда Рами один оказался бы у Хорхе, желательно вечером. И есть у меня подозрение, что эти милые люди слегка поспешили. То есть, очень может быть, план был не один. Но именно для этого плана всё сработало идеально, и никто ждать не стал. Хотя никто не мог ожидать, что ещё очень больной Рами уйдёт от Кэмпбеллов и поедет к Хорхе, в идеальное для этого плана время. Поэтому не исключаю, что они в спешке где-то прокололись.

— Да ты детектив, Леон, — улыбнулся МакДжеральд.

— Пришлось. Хозяин был простоват, большую карьеру не делал, со жрецами, как я, не водился, вот и надо было предупреждать, если что. И я, главное, говорил ему, что Альтареса не халтура соискателей учёного звания интересует, а что-то другое, так он упёрся, что халтура есть халтура… ну чисто я при жизни.

— Кстати, идеальных преступлений не бывает вообще, — вспомнил МакДжеральд, — но от этого не легче, потому что бывают недорасследованные. Так тебя проводить на кухню, Леон? Я добавлю в шоколад наше семейное восстанавливающее, почти что секрет рода… да не смотри так, Рами, я помню эту сказку — «не пей из чашечки, троллем станешь».

Я расхохотался. Наконец. Не потому, что надо было держать лицо, а от души.

— Твой арестованный тоже имеет право сходить с нами на кухню? — подмигнул мне Леон. — Ну и отлично, я приготовлю шоколад, вы будете пить, а я на вас посмотрю — почти семейная идиллия.

Роже Дюбуа

— Говард Ларсен, — вкрадчиво произнесла Касси. Она умела и так. — Разумеется, вам много раз говорили, что вы замечательный репортёр.

Журналист, сидевший перед ней, излучал спесь и самоуверенность.

А я устроился в углу кабинета, так что меня даже не было видно, и старался сдержать саркастическую улыбку. Касси на мягких рысьих лапах, какая прелесть.

— Мои репортажи — стандарт даже для Куджара, — гордо заявил Ларсен.

— Разумеется. Тем не менее, вам никогда не стать хорошим писателем.

— Это ещё почему?

— Вы совершенно безграмотны во всём, что касается человеческой психологии.

— Оскорбление от адвоката? Что-то новое.

— Нет. Констатация факта.

— И даже можете доказать?

— Конечно.

— Ну-ну.

Ларсен даже заложил ногу за ногу.

— Возьмём ваш блестящий репортаж из Академии. Не знаю, что привело вас на Совет, мероприятие довольно специфическое. Но когда стало происходить что-то из ряда вон, вы прямо попали в свою стихию. Бой в зале, драка в профессорской ложе, драка в ложе у ректора, поединок чести — всё на одном дыхании. Вы успели даже связаться со специалистом по фехтованию, который через артефакт видеосвязи в прямом эфире комментировал технику дуэлянтов. И, кажется, вам не хватило для полного триумфа только трупа с мечом в груди, например.

— Да, это было бы великолепным завершением сцены, и мой репортаж был бы номинирован на имперскую премию. Правда, мальчишка в бинтах на арене тоже смотрелся неплохо. За неимением лучшего.

— Не прибедняйтесь, господин Ларсен, вы и так участвуете в конкурсе.

— Участвую. Но жюри не очень любит хэппи-энд, да и Торрес в мыльной пене был очень смешон на экране, но совсем не смешон в жизни.

— Что он захотел от вас как компенсацию? — резко спросила Касси.

— А почему вы уверены, что захотел? — вальяжно осведомился Ларсен.

— Ну потому что либо вы сами не замечаете, что мальчишка из вашего репортажа никак не мог быть хладнокровным отравителем, а тогда вы очень плохой писатель, либо кто-то попросил вас не замечать это мелкое несоответствие.

— У людей клиповое мышление, — пренебрежительно скривил физиономию Ларсен. — Никто ничего не помнит. Да и был ли мальчишка, не было его, — какая разница.

Касси мягко улыбнулась.

— Я не прошу вас отвечать. Просто напоминаю, что вы очень честолюбивый человек, участвуете в куче конкурсов, поэтому найти ваши репортажи и сравнить вообще не проблема. Поэтому хорошо подумайте об уже имеющихся несоответствиях и не продолжайте тему отравления Хорхе Родригеса, тем более что вы этим, вольно или невольно, оказываете давление на следствие.

Ларсен покосился на Линкс, тихо сидевшую в другом углу комнаты.

— Как скажете, госпожа Маккензи. Есть у меня ощущение, что скоро у меня и так найдётся много жирных вкусных тем. Если уж Рысья мать берёт дело…

— Вот и славненько, что мы так хорошо друг друга понимаем.

Девушка габаритов и сложения Эланор Кэмпбелл пропела бы это как милая птичка, а от девушки размеров Касси это прозвучало так, что лично я бы на месте Ларсена опять покосился на Линкс. Ларсен на своём месте так и сделал.

— Этот заткнётся, — кратко подытожила Касси, когда Ларсен ушёл. — Ненадолго, но нам должно хватить. Что мы сейчас имеем?

— Мой человек прибудет через двадцать минут. Незачем ему пересекаться с Ларсеном.

— Я подожду. Ты выяснил, кто именно видел Хорхе Родригеса вместе с Рами Хименесом? Я вообще обожаю формулировку «последний раз жертву видели вместе с таким-то», из чего автоматически следует вывод, что вот он убийца, прямо на подносе. А потом оказывается, что либо перепутали даты, либо перепутали человека, либо жертва потом ещё куда-то пошла или с кем-то встречалась. Либо, ещё лучше, эта самая жертва потом общалась именно с этим самым «видевшим».

— Всё может быть, — пожал плечами я. — Встреча Хорхе и Рами подтверждается показаниями соседей.

— А что говорит твоя агентура о коробочке с ядом?

— На ней не обнаружено отпечатков пальцев или ауры Рами Хименеса. Его отец, Энрике Хименес, утверждает, что Рами неожиданно приехал и заночевал у него. Мне он также сказал, что Рами поостерёгся зайти в свою квартиру вечером, ему показалось, что с замком что-то не так.

— Хорошая реакция, — похвалила Касси. — А теперь, если исходить из того, что мы точно знаем, кто в этой схеме не преступник, как мы можем реконструировать произошедшее?

— Рами срывается от Кэмпбеллов, едет домой, в Академию, к Хорхе. Квартиру его вскрывали уже после того, как он поехал в Академию.

— Когда он был у Хорхе?

— Возможно, но нуждается в доказательствах. Впрочем… рядом с домом видеонаблюдение. И что-то мне подсказывает, что с этим видеонаблюдением что-то случилось именно тогда, когда Рами оказался у Хорхе.

— Согласна. Если красть артефакт и подкидывать яд, так именно в это время. Потому что это надо было синхронизировать с отравлением, а травить надо было после того, как Рами уйдёт от Хорхе.

— Как ты думаешь, — спросил я, — по твоим внутренним ощущениям, когда Рами с Хорхе пил чай, яд уже был в чашке?

— Вряд ли, — ответила Касси. — По данным экспертизы, которые сумели скопировать твои агенты, яд достаточно быстродействующий. Рами мог заметить, что Хорхе плохо, и вызвать помощь. Но всё было как обычно.

— Ну да. Усталый и больной Рами возвращается домой. Незнакомую коробочку он скорее заметит, чем не заметит. Вскроет — туда ему и дорога. Хотя, тут есть проблема: если бедный невинный Рами просто отравится, Ману наших злоумышленников сначала из-под земли достанет, потом закопает. Так что ставка была скорее на сообразительность Рами, который коробочку подержит в руках, но вскрывать не будет, отложит подальше и решит разбираться утром. А утром будет поздно.

— Нет, — возразила Касси. — Не вписывается. А если бы Рами побежал с этой коробочкой в полицию?

— Ну и что? Хорхе умирает от яда. Яд на модуле Рами, который зажат в кулаке Хорхе. Рами объяснит, что коробочку подбросили. А кто надо — выкрутит так, что Рами неуклюже пытается смастерить алиби.

— В принципе, намерения понятны. Но исполнение…

— А кто сказал, что это был безупречный хитрый план идеального убийства, а не план, разработанный, может быть, и раньше, но исполненный в спешке, с отклонениями от изначально задуманного? Кто знал, что Рами в таком состоянии уйдёт от Кэмпбеллов, будет бродить по Академии, заявится к Хорхе? Да этого сам Рами, скорее всего, не знал. Он пытался вести себя как обычно, делать то, что ему представлялось важным, в общем, как можно скорее вернуться в ту действительность, из которой оказался вырван. Никто не мог этого просчитать. Зато вполне могло стать известно, что Рами, ещё совершенно не оправившийся от ранения, зашёл к Хорхе. И вот как раз этот момент очень важен. Всё не то, что кажется.

— Не то, — повторила Касси и подняла на меня глаза. — Жаль, я сразу об этом не подумала. Как её звали?

— Кого? — не понял я.

— Ту девушку, из-за которой ты вызвал на дуэль графского сынка.

— Забыл. Честно, забыл. Всё это было так глупо. В первый раз в жизни попадаешь на бал к аристократам. Молодой подающий надежды офицер-аналитик. А девушка пыталась пробудить ревность у своего женишка и пригласила меня на танец. Ревность пробудилась, жених наговорил мне такого, что «грязный безродный» в сравнении звучало как комплимент. Ну и у меня не оставалось выбора. Поцарапал ему руку, прекратил поединок, отсалютовали друг другу, всё. А отец его был влиятельной шишкой, и меня перевели в боевые, бросили на задание. Выжил, отлёживался в госпитале, пришли, бросили на пол, нацепили блокираторы. Мой бывший противник узнал, прибежал лично, принёс извинения, — он сам плохим парнем не был, просто вспылил и завёлся.

— За словами бы следил, — сказала Касси. — Меня там не было.

— Что толку. Дело было сделано, час в наручниках — калека. Всё.

— А эта девица?

— Откуда мне знать. Не видел я её больше.

— А я-то себе целую романтическую историю придумала… Видеть тебя не хотела. А ты из-за этого не пошёл работать к отцу в контору, чтобы я не уволилась, пошёл к Ману, а мне наплёл, что зато работаешь аналитиком…

— Так ведь и работаю, — сказал я. — Да, и кстати. Получается, что целью заговорщиков было — на законных основаниях запереть Рами в блокираторы. Чтобы обнулить его ценность для Ману. Потому что Ману, разумеется, ничему не поверил, но вот как он распорядится испорченным активом, даже я не предскажу.

— А это значит, что среди заговорщиков был маг. Откуда знать простым такие тонкости.

— С другой стороны, не засекреченная информация. Но, действительно, очень вероятно, что маг там присутствует. Хотя, за исключением этого момента, для того, чтобы совершить это преступление, совсем не надо быть магом.

В дверь конторы позвонили.

Касси открыла на правах хозяйки. В контору вошли двое — пожилой крепкий мужчина и мальчик лет пятнадцати, конопатый и ясноглазый, с улыбкой, вызывающей доверие.

— Позвольте представить, — подчёркнуто официально обратился я к Касси, — господин Эрнандес, в настоящее время сотрудник охраны ректора Академии, и его внук Рауль.

Касси внимательно всмотрелась в мальчика:

— Менталист?

— Выбраковка он у нас, — охотно объяснил Эрнандес, — вроде бы и одарённый, но не совсем. Слабенький дар артефактора, слабенький дар целителя, слабенький дар менталиста, слабенький дар бытовика, слабенький дар эмпата. Ни под одну квалификацию не подходит, но голова хорошая.

— Собак нехорошо выбраковывать, — вздохнула Касси, — а уж детей совсем отвратительно.

— Это всё ерунда, — сказал Рауль. — Я в станкостроители пойду. С железками можно и без дара работать. Я деньги собираю на училище, в кафе на кухню работать пошёл, а вот что вам может быть интересно — кафе не простое.

— В смысле? — спросила Касси.

— Там любит бывать Аугусто Торрес. С разными людьми. Недавно был там тип, который на дуэли с ректором Академии дрался, в новостях показывали. Я на кристалл записал. Так-то много узнать не удалось, этот тип поговорил и ушёл, а Торрес стал что-то обсуждать с магом, который с ними сидел. Вот кого бы я боялся, так этого мага, на вид ничего особенного, а злости в нём! Он бывает у нас с Торресом, но как зовут, не знаю. Под личиной, наверно, ведь много раз видел, как выглядит, а описать не смогу, провал. Маг поставил купол молчания, но перед этим они обсуждали какого-то парня, который им всё испортил, и маг сказал, что с этим парнем они разберутся, а Дюбуа следующий. И ещё они что-то против Ману замышляли. Я и так хотел сообщить, только набрать информацию, а тут в новостях о покушении.

— И как ты это связал?

— Дед пришёл домой и бурчал, что приличного парня подставили. Вот я и сложил два и два. В общем, вот вам кристалл с этим типом, то, что я успел. И ещё кристалл с Торресом и журналистом, вот этим, который новости ведёт. Ну и трусло же он! Правда, я так и не узнал, что Торрес от него хочет. Я потому и не спешил, данных минимум, но раз какого-то парня подставили, а о вас, господин Дюбуа, говорили, что вы следующий, уже надо было срочно.

— А ты откуда господина Дюбуа знаешь? — удивилась Касси.

— Лично нет, откуда, но дед говорил, что он у Ману самый толковый. И не вредный. Но такой… лучше не связываться.

— Вот так и приходит слава, — прокомментировал я.

— Вы ведь на тварь пошли, так чему удивляться, — важно заметил мальчик. — О тварях здесь уже сколько никто не слышал, так что об этом прорыве все говорили. Вы и… стоп, ну я болван! Вы же были с Рами Хименесом, вот, родственником Ману, классным таким парнем. И на дуэли ректор с тем типом дрался, а этот Рами Хименес с другим профессором, как секундант ректора, получается, это он им всё испортил? И это его подставили?

— Вот вам и клиповое мышление, — улыбнулась Касси. — И «все всё забыли».

Эланор Кэмпбелл

На аудиенцию к Ману мама предложила мне надеть лучшее платье.

Я отказалась.

От такой чести, может быть, ещё придётся бегать.

И вообще надо быть в том, в чём мне удобно.

А удобно в штанах.

Всё равно Ману приглашает не даму, он приглашает специалиста.

Вот так я и подъехала к зданию корпорации. Когда-то, говорят, штаб у клана был в каком-то кафе на окраине города, но Ману давно уже отгрохал это помпезное здание. Вот что тут удобно? — парковаться удобно, вот что.

И на парковке, и в здании сотрудники в униформе вели себя предельно уважительно, показывая дорогу к кабинету Ману. Только что ковровую дорожку не расстелили. А мне главное было не забыть, что я не знаю, где Рами, беспокоюсь за него, но только как за партнёра по нашему бизнесу.

Ману сидел за огромным столом. Немного в стороне, в креслах, на расстоянии друг от друга, сидели оба его безопасника — Аугусто Торрес и Роже Дюбуа. Мне Ману указал на кресло прямо перед его столом.

Некоронованный король Риона был ещё довольно молод, может быть, немного старше Роже Дюбуа. Хотя он же без магии, а Роже одарённый, так что кто кого старше, ещё вопрос. Безукоризненный костюм, идеально подходящий к нему очень дорогой галстук, дорогой обручальный браслет. Никакой кричащей роскоши. В отличие от Торреса с его толстой золотой цепью и крупными золотыми перстнями. Роже Дюбуа в сравнении с начальством одет был скромно и выглядел так, как будто готов прямо сейчас идти на инфернальную тварь. Или делать что-то другое, не менее опасное. Короче, работа у человека такая, красоваться некогда и незачем.

— Я слышал о вашем предприятии, госпожа Кэмпбелл, — очень вежливо начал Ману.

— Я польщена, — ответила я то, что, наверное, предполагалось услышать. — Не буду скрывать, первоначально это были студенческие эксперименты, но похоже, что из этого выйдет что-то большее.

— К сожалению, я слышал, что сейчас у вас сложности. За жизнь вашего пока что, насколько мне известно, единственного заказчика борются целители, и даже если он восстановится, его мастерская придёт в упадок, поскольку его брат, один из ваших партнёров, имеет обязательства перед короной, а второй ваш партнёр, мой беспутный младший родственник, где-то скрывается от правосудия.

— Ну почему же он беспутный? — хлопнула глазами я. — У вас очень достойный кузен, вы можете им гордиться. Другое дело, что у него, скорее всего, обязательства перед вами, и я это вынуждена была учитывать в своём планировании.

— Я и сам думал, что могу им гордиться, — покачал головой Ману, — но последние события ставят меня в крайне неловкое положение. Подумать только, мой младший кузен, которого я, можно сказать, на руках носил, обвиняется в покушении на убийство.

— Он не мог этого сделать, — горячо, но не избыточно горячо, возразила я. — Он прекрасно относился к Хорхе. Да и не такой он человек. Но я не скрою, меня волнует, очень волнует, что его ещё не нашли. Он мог точно так же стать жертвой неизвестных злоумышленников, и он всё ещё болен, а значит, особенно уязвим. Скажите, господин Хименес, вы принимаете меры, чтобы его найти?

— Разумеется, — ответил Хименес. Как-то слишком легко ответил. — Я думаю, мы его найдём. Вот только я не стал бы отбрасывать подозрений. К тому же он действительно болен, и,

насколько я проинформирован, в результате всех этих событий его магические каналы могут очень сильно пострадать, и к нам вернётся только тень прежнего Рами.

Я вздохнула.

— Прискорбно такое слышать, господин Хименес. Как я поняла из нашего общения с Рами, вы много вложили в него, вы ведь вообще заботитесь о своих молодых родственниках. Тем не менее, я хоть и вижу возможную трагедию, но это не повод опускать руки и считать, что из Рами ничего не выйдет. Да, он не сможет быть боевым магом. Возможно, его даже освободят от госслужбы. Но для работы артефактора-интегратора даже не нужен сильный дар, больше ценится голова и точность. И я готова предоставить ему место на своём предприятии. У него будет интересная работа, а со временем, может быть, и личное счастье. Я не много об этом знаю, но думаю, что с его внешностью и приятным характером это просто вопрос времени и удачи.

Ману улыбнулся очень тепло, но глаза его оставались цепкими, холодными и изучающими.

— Мы постараемся его найти, — сказал он. — И, право, я рад тому, как вы проявляете к нему участие и уже заранее подыскиваете ему нишу, в которой он мог бы оставаться полезным для себя и для общества. Но помните: если он убийца, его место в тюрьме.

— Я принимаю это к сведению, — постаралась я попасть ему в тон, — и понимаю вашу логику, но пока что я не верю в эти обвинения. Насколько я смогла узнать вашего кузена, он умный и рассудительный молодой человек, а такой вряд ли способен на столь мерзкое преступление. Не забывайте, на поединке чести он фактически спас моего отца — выпад с мыльной пеной был хорош, но с Броком мечом надо было.

На этих моих словах Аугусто Торрес, за которым я пыталась наблюдать уголком глаза, заметно передёрнулся. Вот, так тебе и надо, хоть душу отвела!

Впрочем, не одна я наблюдала за Аугусто.

— А это вам был урок, дядюшка, — весело произнёс Ману, и в его глазах запрыгали чёртики, — никогда не надо ни унижать людей, ни недооценивать их.

— А вы, госпожа Кэмпбелл, — опять обратился он ко мне, — совершенно оправдали мои ожидания. Вы не только талантливый артефактор, но и с деловой хваткой у вас всё хорошо, вот как вцепились в Рами. Но всё же, если вам понадобится персонал, я готов вам помочь. Насчёт заказов подумаю. Было очень приятно с вами познакомиться.

И он кивнул, давая знать, что аудиенция окончена.

— Дюбуа, проводи госпожу Кэмпбелл, — приказал он.

Роже подошёл ко мне, и мы вместе покинули кабинет.

У меня была надежда обменяться с ним хотя бы парой слов, но передо мной был не тот Роже Дюбуа, которого я успела узнать. Безукоризненно вежливое, ничего больше не выражающее лицо. Идеальный служащий, исполняющий свой долг, ничего больше. Если он так себя ведёт, подумалось мне, значит, так надо. Значит, в этом помпезном здании нельзя быть другим. Иначе не выжить. Впрочем, что я сама здесь разыгрывала только что?

Коридоры, лифт, опять коридоры.

Роже не смотрит мне в лицо, он смотрит, кажется, во все стороны, но не на меня. Взгляд цепкий, чужой.

Хотя бы знать, верит ли он в виновность Рами.

Чушь. Прекрати, Лан. Только женских истерик тут и не хватало. Ты сорванец в штанах, по совместительству бизнес-леди, эмоции тебе не к лицу, и, кроме того, ты знаешь, что без Рами Роже давно был бы мёртв, а Роже не из тех, кто забывает. Но всё же, Роже, снимавший с меня прослушку, был вполне симпатичен, а это просто какая-то ходячая функция.

Мы выходим к парковкам, я достаю ключ от мобилуса, Роже придерживает дверцу — и внезапно хватает меня, закрывает собой, валит на землю, мы катимся куда-то под защиту мобилуса.

Выстрела я не слышала, но, наверно, он был.

— Промазал, — шепчет Роже, — причём, промазал намеренно. Значит, это не за тобой. За мной.

Но он не бежит и по-прежнему закрывает меня.

Выстрел. Ещё один.

Похоже, вообще куда-то не туда.

И дерзкий голос Леона:

— Ну что за глупое самоубийство.

Один из охранников в униформе лежит у стены, отброшенный какой-то жуткой силой. Рука ещё сжимает оружие, а голова…

Роже поднимается, сбрасывает пиджак и прикрывает охранника. Вот как раз там, где должна быть голова.

— Не смотри, хозяйка, пожалуйста, — просит Леон, — тебе ещё мобилус вести.

Глава 4

Роже Дюбуа

Я всю жизнь боялся пули в спину. Если бы не дух-помощник Эланор, сейчас бы из этой самой спины было решето.

— Ну вот так всегда, — проворчал Леон. — Сидел себе в красивом старинном замке, в хорошей компании, прекрасно общались, так нет, выдернули — беги, лети, и всё в спешке, никакой красоты манёвра.

— А с этого места подробнее, — автоматически выдал я.

— Я действительно сидел в очень хорошей компании, — сказал Леон, — с разрешения хозяйки. Выполнил её поручение, можно было и посидеть. Расслабился, насколько вообще прилично призраку. И так не хотелось опять вот это всё, но что делать.

Эланор уже тоже встала и смотрела на меня во все глаза.

— Вы спасли меня, — произнесла она.

Я небрежно махнул рукой.

— Нет, госпожа Кэмпбелл, это ваш помощник спас меня.

Она подала мне руку.

Рука была тёплая и приятная.

— Что у вас с резервом? — внезапно спросила она.

— Последствия ранения на госслужбе, повреждён магический канал, — заученно ответил я.

— Это лечится?

— Насколько я знаю, нет.

— Мне так жаль…

Так… а действительно, что у меня с резервом? После этого рукопожатия я не ощущаю себя калекой. Или по крайней мере ощущаю себя меньше калекой.

— Вы что-то сделали, — удивлённо сказал я. — Мне давно не было так хорошо.

У девочки целительский дар. Рами рассказывал. Но она ничему не обучена, и подремонтировать магический канал гораздо труднее, чем залечить ожог.

И тогда, как рассказывал Рами, она выложилась в ноль, а теперь вроде в порядке.

Пусть едет.

Пусть вспоминает не труп, а то, как помогла мне.

Она попрощалась и уехала. Вместе с Леоном. Отлично, этот парень за ней присмотрит. Интересно, что он хотел сказать этими словами о старинном замке?

— Господин Дюбуа, — подбежал ко мне старший по смене, — простите. Гюнтер был давно уже на взводе, этот призрак в Академии проломил его брату голову стулом.

— А Гюнтеру и вовсе голову оторвал, — бросил я равнодушно, — и кто же покойника после этого умным назовёт. Короче, уберите всё это, у нас тут приличная корпорация, а не бандитская «стрелка». А я доложу наверх.

Я поднялся обратно в кабинет Ману. Аугусто Торрес всё ещё был там.

— Господин Хименес, — заявил я сухо, — я терпеть не могу конфликты между подразделениями корпорации, но случившееся выходит за рамки моих полномочий, поэтому вынужден вас просить о служебном расследовании. На каких основаниях подчинённые господина Торреса пытались застрелить на парковке вверенную мне госпожу Кэмпбелл?

Аугусто поджал губы.

— Отец девчонки оскорбил меня и сделал посмешищем для всего города, а девчонка имела наглость об этом напомнить, — процедил он.

Я смотрел на Ману не мигая.

— Итак, у нас две версии. По мнению старшего по смене, сотрудник мстил девочке за брата, которого её помощник не то избил, не то убил. По словам господина Торреса, он лично мстит девочке за дерзость её отца и её собственную.

— Гюнтер прямо кипел в последнее время, — буркнул Торрес. — Подходил ко мне с вопросами. И я ему разрешил.

— Дядюшка, не вешай на исполнителя, — прервал его Ману. — Ты никак не мог что-то разрешить Гюнтеру, пока сидел тут у меня на глазах. Ты мог разрешить — или приказать — только до нашего разговора. То есть, ты решил воспользоваться отсутствием прямого запрета и моим приглашением, чтобы свести счёты с семьёй Кэмпбелл? А ты подумал, что госпожа Кэмпбелл мне, скорее всего, зачем-то нужна, раз я её вызвал? Ты подумал, как это скажется на моей репутации? Короче, я запрещаю тебе вообще трогать эту семью. Не понимаешь намёков, вот тебе прямой запрет. Иди проследи за уборкой на парковке. А ты, Дюбуа, останься.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.